

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

(Изъ записокъ барона Ф. А. Бюлера).

Въ 1838 году я былъ воспитанникомъ не задолго до того открытаго училища Правовѣдѣнія. Лѣтомъ мнѣ удалось воспользоваться наващанами для сопровожденія отца моего за границу. Въ продолженіи этой поѣздки я велъ дневникъ, который, по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ, ходилъ по рукамъ моихъ товарищей и нѣкоторыхъ изъ нашихъ воспитателей. Одинъ изъ нихъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ русскаго языка въ низшихъ классахъ училища, Ардаіонъ Васильевичъ Ивановъ, состоявшій какъ-то въ родствѣ съ Н. А. Полевымъ, вздумалъ показать ему мою рукопись и, если не ошибаюсь, это уже было зимою, въ началѣ 1839 года, я былъ въ высшей степени пріятно пораженъ, найдя выдержку изъ моего дневника напечатанною въ „Сынѣ Отечества“, который выходилъ тогда еженѣдельно, въ видѣ толстой книжки, подъ редакціей Н. А. Полевого. Статья моя была озаглавлена „Воспоминанія объ Лондонѣ“ и я былъ чрезвычайно польщенъ оказанною мнѣ честью, хотя трудъ мой помѣщенъ былъ въ отдѣлѣ „Смѣси“ и безъ моего имени; однакожъ съ оговоркою, въ примѣчаніи, что это произведеніе воспитанника одного изъ столичныхъ казенныхъ заведеній. Я поспѣшилъ поблагодарить добраго А. В. Иванова и попросилъ его доставить мнѣ возможность лично познакомиться съ Н. А. Полевымъ, для того чтобы поблагодарить его за вниманіе и поощреніе, оказанныя моимъ литературнымъ опытомъ.

Полевой жилъ тогда очень далеко, гдѣ-то на канавѣ, около Покрова и проводилъ цѣлыя дни за своимъ письменнымъ столомъ, въ свѣтло-зеленомъ камлотовомъ, поношенномъ халатѣ, подпоясанный шерстянымъ шарфомъ, какіе въ то время нашивали въ дорогѣ, на шеѣ. Лицо его уже тогда было желтоватое, исхудалое, въ морщинахъ. Гравированный портретъ его, въ вышедшемъ тогда же (въ 1839 г.) I томѣ „Сто Русскихъ Литераторовъ“, довольно похожъ, за исключе-

нѣмъ волосъ, которые я у него никогда не видалъ завитыми, — какъ на портретѣ, а чаще всклокоченными, нѣсколько растрепанными. Онъ пользовался тогда заслуженною популярностью, какъ журналистъ и драматургъ. Многія пьесы его, какъ напр. „Ломоносовъ“, „Параша Сибирячка“, „Купецъ Игольнинъ“ и пр. имѣли огромный успѣхъ на сценѣ. За каждое изъ этихъ драматическихъ произведеній онъ получалъ брилліантовныя перстни отъ покойнаго государя. Онъ продавалъ ихъ и вообще всегда нуждался. Жить ему здѣсь было трудно, чѣмъ въ Москвѣ. На немъ сильно тяготѣла катастрофа „Телеграфа“. Это былъ человѣкъ — нравственно пришибенный; въ немъ были порванные струны и придавленные порывы; онъ уже работалъ безъ увлеченія, но равномерно, какъ маятникъ; усидчиво, какъ труженикъ, озабоченный поддержаніемъ многочисленнаго семейства; но, всетаки, въ произведеніяхъ его проявлялись талантъ и огромная начитанность, притомъ они отличались замѣчательною чистотою слога, даже краснорѣчіемъ. Съ перваго раза Полевой поразилъ меня ясностью взгляда своего на обсуждаемые предметы и обширностью своихъ познаній. Бесѣда его была увлекательна и поучительна. Часто, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, онъ обращался къ своей библиотекѣ, т.-е. къ книгамъ непереpletеннымъ, а едва державшимся въ грязныхъ оберткахъ и разбросанныхъ въ его довольно обширномъ кабинетѣ гдѣ понало, нѣны на полкахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ изъ простыхъ, неокрашенныхъ досокъ, другія на стульяхъ, на полу, на столахъ и т. д. Читая мнѣ однажды цитату изъ французской книги, онъ сказалъ: „Не удивляйтесь моему дурному произношенію; я одинъ выучился читать по-французски и говорить на этомъ языкѣ не умѣю!“ Дѣйствительно, выговоръ былъ ужасный; Полевой произносилъ каждую букву т.-е. читалъ по-французски, какъ читаютъ по-латыни. Въ отношеніи англійскаго языка, метода была таже. Онъ зналъ наизусть всего Шекспира и его трагедіи были однимъ изъ любимыхъ предметовъ разговора Николая Алексѣевича. Изданный имъ переводъ Гамлета безспорно лучше всѣхъ другихъ; повторяю, это былъ тогда человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже отжившій, въ иныхъ — даже чуть не мертвецъ; словомъ, онъ тогда дошелъ до той черты, когда согбенный испытаніями старецъ становится интереснѣе для постороннихъ, чѣмъ для самого себя. Но Полевой никогда не былъ равнодушенъ къ молодому поколѣнію и къ желанію принести пользу родинѣ и ближнему.

Въ 1843 году меня особенно сблизило съ нимъ то, что онъ задумалъ издать иллюстрированную „Исторію Суворова“ и поговаривалъ даже о намѣреніи написать современемъ подробную его исторію въ 10-ти томахъ. Мой отецъ, баронъ Андрей Яковлевичъ Вюлеръ, дѣй-

ствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, въ молодости своей служилъ при великомъ полководцѣ, въ качествѣ дипломатическаго чиновника; онъ любилъ вспоминать малѣйшія подробности, относяшіяся до этой эпохи, и имѣлъ портретъ героя, рисованный пастельными красками извѣстнымъ живописцемъ курфирста саксонскаго, Фридрихомъ Шмитомъ *), по которому, съ позволенія отца моего, Н. И. Уткинъ нѣкогда исполнилъ свою извѣстную гравюру.

По желанію Николая Алексѣевича, отецъ мой назначилъ ему свиданіе и тутъ-то я увидѣлъ его, въ первый разъ, въ черномъ фракѣ съ Анненскимъ крестомъ въ петлицѣ. Посѣщенія его возобновлялись, отецъ мой рассказывалъ ему обо многомъ, чего былъ очевидцемъ и часто препоручалъ мнѣ отвозить Полевому разные неизданные историческіе матеріалы, касавшіеся Суворова. Портретомъ его онъ также ссудилъ Полевого, по его просьбѣ. Копія съ него (увы, весьма плохая, почти лубочная) приложена къ вышедшей въ слѣдующемъ 1844 году „Исторіи Суворова“.

Помѣщаемыя вслѣдъ за симъ два письма Н. А. Полевого, одно ко мнѣ, другое къ отцу моему, сохранившіяся у меня въ подлинникѣ, касаются именно тогдашнихъ моихъ къ нему отношеній:

1.

„Милостивый государь, Ѳедоръ Андреевичъ! Не знаю какъ благодарить васъ за всѣ одолженія ваши. Покорно прошу передать почтенному родителю вашему слабое изъявленіе чувствъ моихъ въ прилагаемомъ у сего письмѣ. Въ среду я въ вашихъ распоряженіяхъ, и явлюсь по назначенію вашему. Портретъ сохраняю, какъ драгоценность, и подтвержу художнику, чтобы онъ скорѣе доставилъ его обратно ко мнѣ, для передачи вамъ.

„Вѣрьте совершенному почтенію и проч. Н. Полевой“.

27 февраля 1843 г. С.-Петербургъ.

2.

„Ваше высокопрев — ство милостивый государь! Спѣшу принести мою душевную, глубокую благодарность за всѣ благосклонныя одолженія, коими ваше высокопревосходительство изволили почтить меня, и милостивое вниманіе, оказываемое вами къ малому труду моему, недостойному великаго человѣка, памяти коего посвященъ онъ. Страницы 3-го выпуска моего сочиненія будутъ украшены именемъ вашимъ, бесѣдою вашею съ безсмертнымъ героемъ Измаила и Сень-

*) Исторію этого портрета, весьма любопытную, какъ единственнаго, для котораго позировалъ Суворовъ, когда-нибудь расскажу отдѣльно.   Э. В.

Готарда. Усердіе мое да замѣнитъ въ сужденіи вашемъ недостатки дарованія и краснорѣчія.

„Возбужденія изъясненія чувствъ и проч. Николай Полевой“.

Февраля 27 дня 1843 г. С.-Петербургъ.

Полевой зналъ, что со времени моей поѣздки за границу, когда вошло въ моду собирать автографы, я собиралъ ихъ гдѣ только въ тому представлялся случай, и вотъ онъ привезъ цѣлую кипу писемъ, которыя получалъ въ разное время отъ своихъ литературныхъ собратій и иныхъ извѣстныхъ лицъ, и подарилъ ихъ мнѣ въ выраженіе признательности за тѣ одолженія мои, на которыя намекалъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 27 февраля. Тутъ были автографы: Булгарина, Греча, Глинки, Дегаля, Іакинфа Бичурина, адмирала барона Врангеля, князя П. А. Вяземскаго, И. И. Дмитріева и друг. Нѣкоторые изъ нихъ Полевой тутъ же прочелъ, обращая мое вниманіе на то, какъ въ нихъ отразился характеръ лицъ, писавшихъ эти письма.

Съ 1844 года я уже почти не жилъ въ Петербургѣ и помню только, что въ послѣднюю свою бесѣду со мною, Полевой былъ особенно откровененъ, рассказавъ подробно, какъ, по сдѣланному на него доносу, онъ привезенъ былъ сюда изъ Москвы, въ сопровожденіи жандарма... Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, на похоронахъ Полевого, въ церкви Николая Морского, при стеченіи множества сановниковъ и литераторовъ, Булгаринъ хотѣлъ-было ухватиться за ручку гроба, одинъ изъ присутствовавшихъ, чуть-ли ни П. А. Каратыгинъ, оттолкнулъ его, сказавъ: „Ужъ ты его довольно поносишь при жизни!“

Привожу изъ моего собранія автографовъ—три письма къ Н. А. Полевому, а именно: Греча, Булгарина и о. Іакинфа, а также письмо Н. В. Гоголя къ С. Т. Аксакову—послѣднее подарено мнѣ въ 1839 г. Ив. С. Аксаковымъ.

I.

Слб. 11 мая, 1824 г.

„Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! . . . . Я совершенно согласенъ съ вами, что не худо было бы перепечатать первую тетрадь корректурныхъ листовъ. Только пришлите введеніе. Согласася въ основаніяхъ, я передѣлаю свое начало и очень скоро. Вы правы, что должно пустить сія книги въ публику. Только присылайте начало.“

„При семъ препровождаю мои отвѣты на глагольные ваши вопросы: я оставилъ у себя съ нихъ копію. Не ограждаюсь извиненіями въ

томъ, что не совѣсть съ вами согласишь; у насъ въ виду не омерзничество, и не комплименты, а самое дѣло.

„Если увидите князя Одоевскаго, то поклонитесь ему и скажите, что я его статью на князя Шаликова получилъ, и напечатаю, если цензура пропуститъ, но вѣроятно, она не пройдетъ адюнкъ вратъ.

„Желательно бы мнѣ было крайне увидѣться съ вами лично или въ письмѣ. Постарайтесь сдѣлать это. Мы въ дѣйствительности парабатами бы вучу. Если случится вамъ прїѣхать, то остановитесь прямо у меня. Жена и дѣти мои будутъ жить на дачѣ, а намъ въ десяти покоевъ раздолье. Тутъ-то и поработаемъ и посперимъ. Вы будете имѣть и особый вкладъ, и особия коммалты. Не откажите!

„Прощайте, до свиданія письменнаго или, лучше, личнаго. Вашъ Н. Гречъ.

„Нельзя ли доставить замѣчаній, особенно И. И. Давыдова....“

II.

Спб. 19 февраля, 1828 г.

„Милостивый государь, Николай Алексѣевичъ, сегодня вечеромъ получилъ я № 2 „Телеграфа“ на 1828 годъ и при немъ вырѣзки изъ другой книжки, гдѣ находится рецензія моихъ сочиненій. Хотя вы пошевелили меня какъ маятникъ, то-есть противъ шерсти, но благородный тонъ критики и хладнокровіе, съ которыми вы даранули меня, внушаетъ мнѣ полное къ вамъ уваженіе. Вы ошиблись въ главномъ, полагая что я начитаюсь Жюи и Адиссона. Клянусь вамъ честью и всѣмъ святымъ, что до сихъ поръ не имѣлъ духу прочесть этихъ господъ какъ слѣдуетъ, а если это придетъ мнѣ въ голову, то справляюсь по заглавіямъ, не было ли о томъ писано, и пробѣгаю статью, чтобъ не встрѣтиться въ мысляхъ и изложеніи,—чтобъ добрые люди не подумали что я подражаю. Это такъ вѣрно, какъ то, что вы первый журналистъ московскій. Даже вы говорите, что я не готовилъ себя въ литераторы. Кто же готовилъ себя въ Россіи? Тѣ, которые протухли на университетскихъ скамьяхъ—именно никуда негодятся, и жаль что вамъ неизвѣстно, что я слушалъ лекціи въ Геттингенѣ, въ Вильнѣ и въ Страсбургѣ. Но это вовсе не нужно даже, чтобъ быть наблюдателемъ нравовъ, и въ этомъ случаѣ даже скорописанье не вредно. Вы не можете опредѣлить: кто я таковъ въ литературѣ? бѣль-летристъ и только.

Вотъ сперные пункты, которые я кончу—симъ письмомъ, ибо спорить въ журналахъ не буду. Я сознаюсь, не надѣялся отъ насъ и этого и ваши отзывы удивили меня и застаиваютъ задрать словамъ общихъ написанъ друзей, Мицкевича и Малевскаго, на вашъ счетъ. Вѣрнее, что

— свое собственное сужденіе на мой счетъ никогда не разсудить меня, если въ немъ видна добросовѣстность. Смѣшно требовать похвалы, и столько же смѣшно требовать, чтобы всѣ смотрѣли одними глазами на предметы. Хотя въ главныхъ пунктахъ кажется мнѣ вы и не такъ растолковали мое Ichheit *)—но дѣло въ томъ, что вы обошлись со мною какъ слѣдуетъ человѣку съ человѣкомъ, литератору съ литераторомъ, и я доволенъ, еслибъ даже нашелъ сужденія во это разъ строже. Вы знаете меня нѣсколько, т. е. знаете наружность души моей, которая слишкомъ пламенна и не умѣетъ скрывать своихъ порывовъ. Это конечно порокъ, но все-таки почище притворства. Я вамъ высказалъ мое мнѣніе: пусть это послужитъ вмѣсто дружеской антикритики и останется между нами.

Если на васъ найдеть грусть, совѣтую взять въ руки Корсара Олина. Это chef d'oeuvre бессмыслицы. Я въ моей критикѣ называю слогъ его сердитымъ гѣтухомъ на ходуляхъ. Бѣдная наша словесность! совершенный упадокъ всего. Еслибъ не писалъ Пушкинъ—бѣда! Что книга—то хлопоты. Ругать всѣхъ—нельзя, да и публикѣ наскучить; хвалить грѣхъ—мажешь, мажешь только чтобы закрыть пустоту и книги и журнальнаго мѣста.

Три тома моихъ сочиненій выйдутъ на свѣтъ—и простите самолюбію—съ портретомъ. Думая оставить литературное поприще и удалиться на покой, я рѣшился на это. Браните! Въ предисловіи я хлещу моихъ беззубыхъ критиковъ, но въ Нцелѣ оговорюсь, что это до васъ не касается, а въ предисловіи именъ нѣтъ, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ.

Какъ идетъ ваше литературное дѣло? Если это входитъ въ планъ вашъ, напишите, я вамъ пришлю своихъ книгъ и надѣюсь, что это не помѣшаетъ сказать вамъ что угодно. Клянусь честью, что какъ бы ни разобрали, только бы въ благородномъ тонѣ—не разгѣваюсь.

Будьте справедливы. У васъ однажды было напечатано, что мои воспоминанія объ Испаніи выписаны изъ какой-то французской книги. Я купилъ эту книгу, прочелъ со вниманіемъ два раза, слышалъ и не нашелъ ни слова. Я только числа выписалъ изъ печатной книги, и то не изъ той, которую вы указали. Все оригинальное—увѣряю васъ честью стараго воина. Не ошибитесь опять. Грѣхъ.

Поплѣйте отъ меня добраго Мицкевича. Валленродъ его чудо—уже отпечатанъ и картинки весьма недурны, а по композиціи даже и хороши.

*) Самолюбивость, индивидуальность.

Простите и вѣрьте, что я не такъ дурень, какъ вамъ меня обрисовали.

Съ искреннимъ почтеніемъ и проч. *Θ. Българинъ.*“

III.

19 марта 1831 г.

„Милостивый государь Николай Алексѣевичъ! Мнѣ помнится, что вы намекали о превращеніи споровъ, возникшихъ между мною и г. Клапротомъ относительно исторіи народовъ въ Средней Азій. Г. Клапротъ вскорѣ послѣ того самъ подалъ мнѣ случай къ тому. Въ прошломъ году онъ издалъ опроверженіе на исторію монгольскаго народа, помѣщенную въ моихъ запискахъ о Монголіи. Въ семь опроверженій онъ раскрылъ и систему французской восточной школы о народахъ Средней Азій. Какъ сія система въ самомъ основаніи своемъ есть вздорная, то и не потребовалось многого труда для ея опроверженія. Я написалъ объясненіе на его опроверженіе и посылаю на ваше разсмотрѣніе. По строгому выправленіи помѣстите сію статью въ вашъ журналъ; и сверхъ сего не можно-ль постараться, чтобы она переведена была и на другіе языки. Прошлую зиму едва не всю я страдалъ отъ простуды, почему нѣмѣннымъ лѣтомъ располагавсь провести около двухъ мѣсяцевъ на горячихъ водахъ; а это еще болѣе года задержитъ меня въ Кяхтѣ, и съ вами увидѣться надѣюсь не ранѣе августа въ слѣдующемъ году. Впрочемъ я здѣсь не безъ дѣла. Обучаю дѣтей китайскому языку, передѣлываю китайскую грамматику, написалъ разговоры на китайскомъ языкѣ для дѣтей и привожу къ окончанію переводъ монгольскаго словаря съ китайскаго на русскій. Монгольскую грамматику для себя составилъ еще въ прошломъ году—выборомъ правилъ изъ нѣсколькихъ грамматикъ, и нѣмѣннымъ лѣтомъ думаю заняться симъ языкомъ. Духовная миссія, отправившаяся въ Пекинъ 30 августа въ прошломъ году, 18 ноября благополучно прибыла въ свое мѣсто и принята очень хорошо. Дальнѣйшихъ извѣстій не имѣемъ. Я ожидаю вашего мнѣнія о посланныхъ къ вамъ статьяхъ относительно черепословія. Если онѣ годны для вашего журнала, то сочинитель обѣщаетъ отправить къ вамъ еще нѣсколько главъ. Монахъ Іакинфъ.“

При мѣч. Извѣстный есинологъ и настоятель російской миссіи въ Пекинѣ, издалъ нѣсколько сочиненій о монгольскихъ племенахъ, между прочимъ: «Историческое обозрѣніе Ойратовъ», С.-Петербургъ, 1834 г. и перевалъ съ китайскаго «Описаніе Тибета, Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», С.-Петербургъ, 1828 и 1829. Іакинфъ Бичуринъ умеръ въ исходѣ 1840-хъ годовъ, проведя послѣдніе годы своей жизни въ Александровской Лаврѣ.

Баронъ *Θ. В.*

IV.

Письмо Н. В. Гоголя къ С. Т. Аксакову.

Вы не виноваты. Это моя несчастная судьба всему виною. Я теперь самъ не ѣду. Морозы повергнули меня въ совершенное уныніе. Я уже успѣлъ отморозить себѣ ухо несмотря на всѣ закутыванья. Я не знаю какъ и что дѣлать. Какъ это все странно вышло! Но мнѣ никогда ни въ чемъ удачи. Признаюсь въ вашей запискѣ мнѣ больше всего жаль что вы обманулись въ вашихъ надеждахъ что опредѣленіе не состоялось жаль потому что эта неудача вамъ не-приятна.—Будьте здоровы обнимаю васъ нѣсколько разъ. Если удастся завтра буду у васъ. Весь вашъ Гоголь.

Примѣчаніе. Адресъ на оборотѣ этого же письма, сложенного вчетверо: «Сергію Тимофѣевичу Аксакову». Во всемъ письмѣ нѣтъ ни одной запятой. Въ настоящемъ спискѣ удержана орфографія подлинника, подареннаго мнѣ, въ 1839-мъ году, моимъ училищнымъ товарищемъ И. С. Аксаковымъ.

Сообщ. баронъ Э. А. Вюллеръ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

XVI*).

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.

Князь Д. П. Горчаковъ родился 1 января 1758 года (Рос. родосл.-книга, кн. П. Долг., ч. I, стр. 63, подъ № 43; считаю это указаніе болѣе вѣрнымъ, чѣмъ приведенное митр. Евгеніемъ и Гречемъ, будто временемъ его рожденія былъ 1762 годъ). Онъ получилъ домашнее воспитаніе, а въ службѣ не пошелъ далѣе чина коллежскаго совѣтника (Слов. митр. Евг., ч. I, стр. 153). Владѣя несомнѣннымъ даромъ стихотворца и одаренный литературными стремленіями, князь Д. П. Горчаковъ не былъ однако никогда записнымъ литераторомъ и писалъ какъ-бы урывками. Большая часть его произведеній осталась неизданною, отчасти потому, что у него было не мало неудобнаго къ печати, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей, а еще болѣе по собственной его небрежности. Изъ стихотвореній его „неудобныхъ для печати“, особенно былъ извѣстенъ въ свое время одинъ его „Noël“, гдѣ выведенъ, между прочимъ, былъ фонъ-Визинъ. Стихи князя Д. П. Горчакова печатались

*) См. «Русскую Старину т. I изд. первое, стр. 463; изд. второе стр. 541; т. II стр. 74 и 194; т. III стр. 206; т. IV стр. 571.